

Д. О. Лабаури
независимый исследователь
Екатеринбург, Россия

ГОРНОДЖУМАЙСКОЕ ВОССТАНИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ В ОЦЕНКАХ РУССКИХ ВОЕННЫХ АГЕНТОВ НА БАЛКАНАХ

Опираясь на донесения русской военной разведки на Балканах, автор статьи пытается проследить эволюцию в оценках Военным ведомством России перспектив развития македонского вопроса после злополучного Горноджумайского восстания 1902 г. Несмотря на слабые агентурные источники, русские военные агенты, прежде всего в Софии и Константинополе, все же смогли верно уловить суть и назначение восстания как инкорпорированного извне, в расчете оказать давление на европейскую дипломатию. Замысел повстанцев, за которыми скрытно стояла официальная Болгария, был в основных чертах реализован после принятия Турцией в начале 1903 г. под давлением России и Австро-Венгрии так называемой Февральской программы реформ для Македонии. Однако, как и прогнозировали русские военные наблюдатели, ограниченные реформы не только не удовлетворили лидеров освободительной борьбы в Македонии, но и распалили в них дополнительные аппетиты. Следствием этого стало провозглашенное летом 1903 г. намного более массовое восстание болгар в Македонии и Фракии, вошедшее в историю как Ильинденско-Преображенское.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Македония; Болгария; Османская империя; Внутренняя македоно-одринская революционная организация; Верховный македоно-одринский комитет; македонский вопрос; горноджумайское восстание; донесения; русская военная разведка; русские агенты; военные ведомства

С в е д е н и я о б а в т о р е : Лабаури Дмитрий Олегович, кандидат исторических наук; Россия, г. Екатеринбург; labauris@yandex.ru

D. O. Labauri

independent researcher

Ekaterinburg, Russia

**THE GORNOJUMAI UPRISING
AND ITS AFTERMATH IN THE ASSESSMENTS
OF RUSSIAN MILITARY AGENTS IN THE BALKANS**

Based on the reports of the Russian military intelligence in the Balkans, the author tries to trace how the Russian Military Department assessed the prospects of the Macedonian question after the ill-fated Gornojumai uprising in 1902. Despite the weak intelligence sources, Russian military agents, primarily in Sofia and Constantinople, still managed to correctly grasp the essence and purpose of the uprising as being incorporated from outside to put pressure on European diplomacy. The idea of the rebels, who were secretly backed by official Bulgaria, was basically realized after Turkey adopted the so-called February Program of Reforms for Macedonia in early 1903 under the pressure of Russia and Austria-Hungary. As predicted by Russian military observers, however, the limited reforms not only failed to satisfy the leaders of the liberation struggle in Macedonia, but also whetted their appetites. This resulted in a much larger uprising of Bulgarians in Macedonia and Thrace in summer of 1903 which went down in history as the Ilinden-Preobrazhenie uprising.

Key words: Macedonia; Bulgaria; Ottoman Empire; Internal Macedonian-Adrianopolitan Revolutionary Organization; Supreme Macedonian-Adrianople Committee; Macedonian question; Gorno-Djumay uprising; reports; Russian military intelligence; Russian agents; military departments

About the author: Labauri Dmitry Olegovich, Candidate of History, Russia, Ekaterinburg

Провозглашенное осенью 1902 г. Верховным македоно-одринским комитетом (ВМОК) Михайловского-Цончева Горноджумайское восстание в восточной части Македонии стало для русских дипломатических и военных агентов (военных атташе) на Балканах первым тревожным сигналом, предвещавшим возможную кровавую развязку македонского вопроса в 1903 г.

Само восстание, как и активно муссировавшиеся слухи о готовящихся предстоящей весной 1903 г. новых более мощных «беспорядках» в Македонии¹, заставило российский Генеральный штаб и Военное

¹ Информация об этом поступала в МИД и Военное ведомство России по различным каналам уже в конце октября – начале ноября 1902 г. А уже 21 ноября 1902 г. императору

министерство сконцентрировать свое внимание на этой мятежной провинции европейской Турции. Обычной практикой отныне стала подготовка Генеральным штабом еженедельных докладов лично императору Николаю II о «положении дел в Македонии» [см.: 1, д. 299].

Обострение македонского вопроса, однако, застало Военное министерство России не вполне подготовленным. Прежде всего обнаружилась крайне слабая информационная база русских военных агентов, которые часто черпали информацию из открытых источников и, следовательно, были подвержены влиянию общественного мнения и правительственных кругов тех балканских стран, в которых они были аккредитованы¹.

Ярким примером тому служат донесения русского военного агента в Афинах И. Хольмсена, который, опираясь на «существующее здесь мнение компетентных лиц» «относительно Македонии», освещал в 1901 г. процесс, связанный с арестом турецкими властями ЦК ВМОРО в Салониках. «Положение дел в Македонии вовсе не так опасно, как это можно было бы заключить из прессы, которая по разным причинам старается преувеличить значение событий. Видимо, все дело заключается в том, что македонский комитет, желая вызвать восстание среди жителей, раздает оружие населению, которое, однако, о восстании и не думает», – сообщал Хольмсен в донесении от 31 мая 1901 г. Для него было очевидно, что деятельность «македонского комитета» направляется и поддерживается из Болгарии, а его влияние в Македонии обеспечивается исключительно системой террора в отношении местного населения: «Оружие было принято [населением] более из страха перед зверствами болгарских банд, которые положительно держат весь край в страхе и не останавливаются ни перед какими средствами для достижения своих целей. Священники и частные лица, отказавшиеся принять на сохранение оружие, убивались самым зверским образом, причем распространялись слухи, что эти убийства якобы дело рук турок. Агенты комитета угрозами заставляли крестьян обращаться к иностранному консулам с жалобами на якобы произведенные над ними насилия со стороны турецких властей». Турецкие репрессии при этом Хольмсен считал недостаточными и объяснял это тем фактом, что турецкие власти

Николаю II было доложено о том, что «внутренняя революционная /Сарафовская/ организация имеет намерение будущим летом объявить всеобщее восстание». См.: Российский государственный военно-исторический архив [2, д. 299, л. 8 об. – 9].

¹ В письме министру иностранных дел Ламздорфу от 1 декабря 1902 г. военный министр Куропаткин признавал: «Военные агенты наши в Константинополе и в Софии должны следить за действиями турецкого и болгарского правительств, доходящие же до них сведения о македонском движении могут страдать такою же неполнотою и неточностью, как и сведения, помещаемые в газетах» [2, д. 862, л. 68].

боятся громкими судебными делами обратить внимание Европы к Македонии [2, д. 862, л. 3–4].

Тенденциозность донесений Хольмсена была признана даже начальником Генерального штаба В. В. Сахаровым в докладе царю летом 1901 г. По его мнению, информация, предоставляемая русским военным агентом в Афинах, может свидетельствовать лишь о «существующем в Греции возбуждении против Болгарии и опасении ее относительно возможной участи Македонии» [2, д. 862, л. 5].

Горноджумайское восстание поставило перед русским Военным министерством задачу активизации деятельности военных агентов на Балканах. Речь шла прежде всего о поиске достоверной информации о положении в Македонии. Уже 1 октября 1902 г., спустя неделю после начала восстания, военный министр А. Н. Куропаткин в циркулярном обращении потребовал от военных агентов на Балканах в кратчайшие сроки подготовить «подробный доклад по македонским делам» с приложением исторического и этнографического обзора Македонии, а также с прогнозированием возможного развития событий в европейских вилайетах Турции [2, д. 862, л. 16–19].

Одновременно Куропаткин, ссылаясь на «сбивчивость и противоречивость газетных сведений об успешности восстания», выступил с инициативой командировать «на место действий в Македонию для наблюдения за ходом событий» подполковника Хольмсена [2, д. 862, л. 45]. Осторожный министр иностранных дел В. Н. Ламздорф, однако, отверг такую возможность, указав на то, что посылка офицера российского Генерального штаба в Македонию в период восстания была бы «несвоевременна и могла бы лишь подать повод к весьма нежелательным толкованиям» [2, д. 862, л. 67]. Решение в итоге было найдено лишь в самом конце декабря 1902 г., когда Ламздорф дал распоряжение консулам в Македонии напрямую информировать «о всех событиях в районе, вверенном их наблюдению, которые могли бы представлять интерес для Военного Ведомства» [2, д. 862, л. 83].

Между тем военные агенты вынуждены были приступить к самостоятельному поиску достоверной информации о македонском революционном движении и Горноджумайском восстании. Агент в Софии Н. И. Протопопов с этой целью вошел в сношение с деятелями ВМОРО и сторонниками Верховного комитета Станишева-Карайовова, контакты с которыми постепенно стали приобретать характер регулярных. Сотрудничество было выгодно как Протопопову, который оказался единственным из военных агентов, кто смог в октябре – начале ноября 1902 г. предоставить в Генеральный штаб ценные фактические данные

о восстании [2, д. 862, л. 61]¹, так и Революционной организации, которая нашла ценного проводника своего видения македонского вопроса. В частности, требуемый Куропаткиным очерк по истории македонского освободительного движения составил для Протопопова приближенный к руководству ВМОРО Р. Славейков, имевший доступ к архиву этой организации. Свою работу тайным информатором Протопопова Р. Славейков позже объяснял желанием «тем самым быть полезным самому [революционному] делу» [Из дейността]. Не без помощи македонских деятелей русский военный агент смог также отправить в Петербург «этнографические карты и труды по Македонии», в том числе и «Статистический и этнографический очерк Македонии» В. Кынчова [2, д. 862, л. 62].

В оценках восстания Протопопов, однако, был самостоятелен. Он указывал на то, что восстание имело ограниченные масштабы, а основную массу повстанцев составили четы, сформированные на болгарской территории [2, д. 862, л. 26–27]. Уже в середине октября 1902 г. он доносил о том, что восстание фактически подавлено, повстанцы были отеснены в горы, и турки начали расправу [2, д. 862, л. 29].

Важное внимание Протопопов уделил и вопросу отношения местного македонского населения к повстанческим действиям. Он выделял различие в поведении болгарского населения в Разлоге и в районе р. Струма. В Разлоге, под которым подразумевали котловину с 12 населенными пунктами: Банско, Мехомия, Бая, Бачево, Гадлево, Якоруда и пр., указывал Протопопов в донесении от 18 октября 1902 г., «до сих пор было спокойно». «Жители этих селений, – объяснял военный агент, – хотя в большинстве и болгары, но будучи оторванными от Княжества труднодоступными горами и имея по соседству ниже по течению р. Места сплошное турецкое и помакское население, очевидно, боятся принимать участие в беспорядках, чего нельзя сказать про р. Струма». В районе Струмы, куда из Болгарии смогли проникнуть несколько вооруженных групп, болгарское население, по мнению Протопопова, вынуждено было в силу обстоятельств примкнуть к восстанию: «население поневоле должно было входить в сношения» с прибывшими из Болгарии четниками, «а потому вполне понятно, что при приближении более значительных турецких войск селяки вправе были ожидать возмездия со стороны турок». Население, таким образом, стало заложником четнической активности. Ожидая суровой расправы со стороны турок, крестьяне стали покидать дома, «сжигая иногда все, чтобы не

¹ Поскольку военный агент в Белграде Леонтович как раз в этот период уехал в Петербург, Протопопов остался главным информатором военного министерства о Горноджумайском восстании.

досталось в руки помаков и баши-бузуков». «Из таких сел, которые лежат далеко от границы Болгарии, селяки постарше вместе с женами и детьми ушли в горы, а молодежь, имевшая кое-какое оружие, прикнула к четам», – указывал Протопопов. «Таким образом, – делал вывод военный агент, – в районе р. Струмы [в восстании] фактически участвует и часть селяков, но не столько по убеждению, сколько из страха перед турками и из-за того, что все равно терять больше нечего» [2, д. 862, л. 55–56].

Не обошел стороной Протопопов в своих донесениях и действия турок по подавлению восстания, которые характеризовались традиционной жестокостью. «Еще большее зло, – добавлял военный агент, – причиняют жителям следующие за войсками партии баши-бузуков, а особенно помаков, отличающихся особенно нетерпимостью к своим единоплеменникам христианам» [2, д. 862, л. 56].

Донесения Протопопова легли в основу еженедельных докладов Генерального штаба Николаю II в конце октября – первой половине ноября 1902 г. В одном из них, обобщая итоги восстания, отмечалось, что если, с одной стороны, восстание «следует признать несвоевременным и неудачным, так как оно было сравнительно быстро подавлено турками», то, «с другой стороны, оно обратило внимание европейских держав на Македонию, 25 лет тщетно ожидающую исполнения 23 статьи Берлинского договора, и цель восстания можно поэтому считать достигнутой». Однако тут же отмечалось: «Но если в течение зимы дипломатическим путем не будет достигнуто улучшения положения христианского населения в Македонии, то возобновление сильнейших беспорядков весной надо считать неизбежным» [1, д. 299, л. 8 об].

В середине ноября информация о повстанческих действиях в докладах Генштаба Николаю II о положении в Македонии окончательно была вытеснена данными о турецких репрессиях: «Теперь в Македонии идет кровавая расправа турок с христианским населением. Не только в районе подавленного движения, но и в остальных округах, в видах предупреждения, селения подвергаются страшным экзекуциям. Повторяются ужасы 1876 г., жители подвергаются пыткам, женщины и девушки насилуются, православные церкви и иконы оскверняются. Наиболее свирепствуют турки в Джумайской казе, где подверглись их зверствам, в числе других, селения Быстрица, Железница, Лешко и Ораново. Беглецы в самом беспомощном положении продолжают в большом числе прибывать на болгарскую границу» [1, д. 299, л. 9].

Причем Военным министерством настойчиво проводилась мысль о необходимости скорейшего реформирования турецкого управления в

Македонии. В частности, в докладе царю приводилась ссылка на официальное заявление болгарского премьера Данева о том, что «если не будут введены реформы в Македонии, то болгарское правительство, при всей своей добросовестности, не в состоянии будет содействовать прекращению македонских волнений» [Там же]. Протопопов при этом приводил мнение, с которым царь так же чуть позже был ознакомлен, о том, что «нити всего дела находятся в руках князя Болгарского, который поэтому, если захочет, то сможет сдержать восстание [в 1903 г.]» [1, д. 299, л. 8 об]. Конечное решение князя Фердинанда, по мысли Протопопова, естественно зависело от содержания программы реформ, которую великие державы могли бы предложить для Македонии.

17 ноября 1902 г. обширный рапорт по итогам Горноджумайского восстания подготовил и военный агент России в Константинополе полковник Э. Х. Калнин. Признавая в самом начале своего изложения отсутствие возможности «нарисовать полную и точную картину современного положения дел в Македонии в силу крайней разноречивости сведений, невозможности какой-либо проверки ... наконец, сложности македонского вопроса и отсутствия беспристрастия в суждениях о нем», он все же предпринял попытку воспроизвести фактическую сторону восстания с подробным описанием сражений, их участников, результатов и т. п. [2, д. 862, л. 69–79]. Наиболее ценными, однако, были выводы военного агента. Он признавал, что «положение в Македонии в высшей степени серьезно и внушает невольные опасения за будущее. Жестокости и насилия турок при подавлении восстания довершают то, чего не успели сделать революционные комитеты – озлобляют массу болгарского населения и заставляют его ожидать спасения из свободной Болгарии». Калнин при этом не верил в результативность каких-либо реформ в Европейской Турции и поэтому предсказывал, что «умиротворение Македонии может состояться лишь двумя способами: либо турецким, с таким успехом примененным к армянам, т. е. поголовной резней болгар, либо европейским – упразднением турецкого господства в Македонии». «С одним из этих способов и придется считаться в близком будущем», – предупреждал он [2, д. 862, л. 79].

Калнин, как показывают документы, оказался наиболее смелым в своих предложениях. В донесениях в Петербург в 1902–1903 гг. он последовательно отстаивал идею ликвидации османского господства в Македонии, призвав в итоге в начале Ильинденского восстания: «Надо признать раз и навсегда: реформы и улучшения быта христиан в Турции возможны лишь при том условии, чтобы дело это было изъято из рук

турок, другими словами, при условии упразднения турецкого владычества в стране» [1, д. 300, л. 16 об].

Рапорт Калнина от 17 ноября 1902 г. лег в основу последнего доклада Генерального штаба Николаю II, посвященного Горноджумайскому восстанию и содержавшего следующий обобщенный вывод: «Таким образом, все движение в текущем году представляется в виде вооруженного вторжения из Болгарии нескольких десятков мелких банд, в состав коих входили главным образом подданные княжества болгарского из македонских уроженцев; банды эти были несомненно подготовлены македонскими комитетами, но среди местного населения они почти не встретили деятельного сочувствия, а мысль об общем восстании, по-видимому, далеко еще не проникла в умы болгарского населения Турции: при появлении в селах вооруженных отрядов повстанцев безоружное население подчинялось им, но как только страна очищалась от шаяк, оно тотчас же возвращалось назад; в некоторых же селах население оставалось глухо ко всем убеждениям и угрозам мятежников. Вообще же можно сказать, что пропаганда македонских комитетов пока привлекла на свою сторону только более интеллигентные элементы населения – духовенство, учителей, торговые классы. Несомненно, более сочувствия пропаганда комитетов встречает в Болгарии, где население открыто одобряет их деятельность, направленную к облегчению участи болгар в Турции, и приглашает правительство добиваться необходимых реформ в Македонии; с болгарской точки зрения деятельность эта представляется в высокой степени патриотической, и правительство до известной степени принуждено считаться с этим взглядом» [1, д. 299, л. 11].

Рисуя в достаточно неприглядном свете деятельность революционных «македонских комитетов», Военное агентство одновременно указывало и на крайне уродливые черты турецкого управления в Македонии, которые по традиции объяснялись особенностями восточного менталитета. В том же докладе царю, в частности, отмечалось: «Турки ясно сознают, что они занимают господствующее положение в стране только благодаря грубой материальной силе: как только применение этой силы к христианам будет ограничено, – что должно быть целью всякой реформы – они потеряют свое господствующее положение, потому что во всех других отношениях они стоят ниже христиан и не в силах бороться с ними ни на каком поприще культурной жизни. Даже при настоящих условиях христиане подавляют и затирают турок во всех отраслях деятельности, что составляет предмет их постоянной тревоги; этому превосходству христиан они могут противопоставить только одно – грубую

силу, которая время от времени дает себя чувствовать христианам резней и всякого рода насилиями» [1, д. 299, л. 12].

Вывод напрашивался сам собой – и военные, и дипломатические круги призывали царя к активизации традиционной русской политики на Балканах, под которой подразумевалась прежде всего защита интересов христианских подданных Порты. Одновременно следовало оградить их и от «пагубного» влияния революционных комитетов. Легитимистская иллюзия по-прежнему давала о себе знать и порой мешала Петербургу установить реальное положение дел в мятежных провинциях европейской Турции.

В целом же донесения военных агентов России в Софии и Константинополе в период Горноджумайского восстания и непосредственно после него сыграли немалую роль в прояснении ситуации в мятежной Македонии, способствовали активизации русской дипломатии, итогом чего стала февральская программа реформ, согласованная Россией и Австро-Венгрией и принятая Турцией. Данные меры реформирования, однако, были явно недостаточны, что привело уже летом 1903 г., как и прогнозировали русские дипломатические и военные наблюдатели на Балканах, к намного более масштабному болгарскому восстанию в Македонии и Фракии.

Список литературы

1. РГВИА – Российский государственный военный архив. – Ф. 400. – Оп. 4.
2. РГВИА – Российский государственный военный архив. – Ф. 2000. – Оп. 1.